

М.М. БАХТИН И ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

*Г.М. КУЧИНСКИЙ, доктор психологических наук, профессор кафедры
юридической психологии Минского института управления*

В статье показано, что в течение всей жизни М.М. Бахтин разрабатывал методологические проблемы гуманитарных наук, в том числе и психологии. Он постоянно обращал внимание на несводимость гуманитарных наук к естественным, многократно подчеркивал, что используемый им метод исследования является феноменологическим (и когда он рассматривал мир поступка, и когда выявлял специфические особенности личности как познаваемого объекта). Сопоставляя личность как говорящее бытие и немую безгласную вещь, Бахтин сделал вывод о том, что познание личности не может осуществляться таким же методом, как и исследование вещи. Согласно Бахтину, адекватным методом познания личности является диалог как специфически человеческая форма общения человека с другими индивидами, обладающая некоторым комплексом отличительных черт. Исследования Бахтина, выполненные в феноменологическом стиле, позволили ему прояснить целый ряд новых и принципиально важных психических феноменов: со-бытие, чужая и собственная речь, голос, многоголосье, диалог, текст.

Ключевые слова: методология гуманитарных наук, феноменологический метод, личность, диалог, текст.

Стремление к созданию новой психологии заставило Л.С. Выготского осуществить методологический анализ состояния современной ему психологии. Он исходил из того, что любая психология, претендующая в соответствии с некоторыми сложившимися критериями на статус научной, так или иначе должна определить предмет исследования (что именно изучается) и метод исследования (как, каким способом, каким путем добывается знание). Понятно, что ему пришлось иметь дело с широким спектром отдельных, частных психологий. В процессе тщательного анализа этих разрозненных психологий и поиска путей их интеграции в единую науку ученый делает принципиальный вывод о том, что существуют не только отдельные, частные психологии, но также существуют образуемые ими две основные тенденции.

Самое важное заключается в том, что эти две основные тенденции в психологии являются, по мнению Выготского, несовместимыми, объединить их в одно единое целое невозможно. Первая ориентирована на образцы естественнонаучного исследования, вторая строится по образцам гуманитарных наук. Для обозначения первой

тенденции используются термины «объективная психология» или «естественнонаучно ориентированная психология». В размышлениях Выготского вторую выделенную им тенденцию олицетворяла феноменологическая психология. Поэтому считаем возможным использовать для обозначения второй тенденции термины «феноменологическая тенденция в психологии», «феноменологическая психология».

Стоит подчеркнуть, что Выготский говорит о несовместимости не каких-то конкретных психологий, а о несовместимости двух основных тенденций в психологии. Это позволяет ему перейти от анализа достоинств и недостатков частных психологий к прояснению методологических оснований выделенных основных тенденций. В монографии Выготского в качестве таких оснований рассматриваются материализм и идеализм. Материализм воплощен в объективной психологии, рефлексологии, поведенческой психологии, экспериментальной психологии, психологии детерминистской, объяснительной. Имеется в виду психология, использующая объективные методы исследования, не умозрительная, а практическая. Такая наука стремится избавиться от антропоцентризма

* Статья поступила в редакцию 8 апреля 2007 года.

вообще. Она пользуется приборами и технологиями. Для нее косвенные методы исследования являются обязательными. Ее цель – поиск причин и объяснение изучаемых явлений, ее идеал – точные определения, строгие термины (по типу математических, например). У нее есть общепризнанные факты. Воплощением идеалистической методологии является, по мнению Выготского, психология описательная, понимающая, феноменологическая, индетерминистская, субъективная, использующая методы, от которых можно отказаться, если им будет найдена более подходящая замена. Эта наука преувеличивает значение непосредственного опыта; для нее важна ориентация на ценности. Ее можно назвать и телеологической, и интенциональной.

По мнению Л.С. Выготского, существование двух принципиально разных типов психологии делает задачу определения единого предмета психологического исследования и адекватного ему метода исследования нерешаемой. Однако, он находит оригинальный выход из наметившегося методологического тупика. Основываясь на идее о несовместимости двух выделенных тенденций, Выготский приходит к выводу о том, что единство психологии будет достигнуто в результате отмирания одной из выделенных тенденций. В состав этой отмирающей тенденции Выготский включает все те психологии, которые, по его мнению, являются предельно умозрительными, лишены эмпирической базы и, кроме того, практически бесполезными (т.е. и феноменологическую психологию, и описательную, и субъективную и др.) Но, как известно, феноменологическая психология за прошедшие годы не исчезла. Более того, и история, и предыстория феноменологической психологии свидетельствуют о том, что она возникла внутри движения за единую научную психологию. Она неотделима от этого движения и представляет собой существующую в нем одну из противоположных тенденций в борьбе за психологию, адекватно понимающую и предмет, и метод своего исследования. Борьба за научную психологию продолжается. Развивается и феноменологическая тенденция [1; 2; 3; 4].

Анализ феноменологических исследований Э. Гуссерля, К. Ясперса, Л. Бинсвангера, Г. Эленбергера позволяет утверждать, что по мере своего становления феноменологическая психология все более уверенно дополняет исследование отдельных психических феноменов исследованием внутреннего мира личности

как единого целого, бытия человека в мире [5; 6; 7; 8; 9]. Феноменологические исследования Ж.-П. Сартра [10] и М. Мерло-Понти [11] так же подтверждают наличие подобных изменений.

О переходе от исследования отдельных феноменов к исследованию бытия человека в мире свидетельствуют и работы таких современных авторов, как, например, М. Босса [12], Р. Лейнга [13], В. Франкла [4].

Усиление экзистенциальных мотивов в современной психологии привело к соответствующим трансформациям феноменологического метода от собственно феноменологического к герменевтико-феноменологическому. Одно дело – исследование отдельных психических феноменов и даже их комплексов, а другое – изучение целостного внутреннего мира личности, скрытого в ее сознании, или даже бытие в мире как основу существования в мире и понимания этого существования.

Следует подчеркнуть, что сам Выготский, выделив в психологии две несовместимые тенденции, основное внимание уделял первой, поскольку считал вторую бесполезной. «Для отбора вагоновожатых не годится эйдетическая психология Гуссерля ...» [15, с. 389]. Вот почему возникает вполне естественный вопрос о том, можно ли назвать исследователя, сопоставимого с Выготским по уровню методологической компетентности, который имел бы достаточно очевидное отношение к рассматриваемым методологическим проблемам и в то же время был сторонником феноменологического направления. Нам представляется, что таким исследователем является М.М. Бахтин.

Многогранность таланта этого ученого и полученное образование позволили ему работать в разных сферах науки. Но, вместе с тем, начиная с первой своей серьезной научной работы и до последней, Бахтин был озабочен методологическими проблемами гуманитарных наук, а, значит, и психологии. В течение всей своей жизни Бахтин оставался философом-методологом. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить названия его основных методологических исследований и даты их написания. Во всех методологических работах Бахтин размышляет о науке и «научности» научных исследований. Он сопоставляет естественные науки и гуманитарные и при этом строго и последовательно отстаивает специфику предмета гуманитарных наук и методов его исследования, а далее и методологических принципов, на

которых должно строиться исследование в гуманитарной сфере. Он постоянно указывает на несводимость гуманитарных наук к естественным [16;17;18;19].

Мир поступка

Методологические исследования Бахтина направлены на разработку и укрепление фундамента той психологии, которая должна строиться в соответствии с парадигмой гуманитарных, а не естественных наук. Такая психология, как было показано, это, прежде всего, психология феноменологическая. Вновь напомним, что термин «феноменологическая психология» – это обозначение некоторого типа, полюса психологического познания, обозначение одной из двух альтернативных тенденций в современной психологии [2].

Если говорить о феноменологической психологии как прояснении основопонятий научной психологии, занятой эмпирическими исследованиями, то придется признать, что Бахтин разработал целый комплекс именно таких понятий: «мир поступка», «совместное бытие» или «со-бытие», «диалог», «чужая речь», «многоголосье», «высказывание», «текст», «понимание» и другие [16; 17; 18; 20; 21; 22].

Бахтин хорошо понимает, что феноменологическая проблематика должна исследоваться соответствующими методами. И он не раз подчеркивает, что используемый им метод является феноменологическим.

Особый интерес вызывает то обстоятельство, что в работе «К философии поступка» (самой первой, большой и серьезной монографии Бахтина, остававшейся долгое время неопубликованной) с первых страниц и до последних автор выступает против излишнего теоретизирования, которое он часто называет теоретизмом. Если вспомнить знаменитый тезис Гуссерля «к вещам самим» и его призывы к борьбе с ложным теоретизированием, со всевозможными привнесениями в исследуемый объект, то будет понятен и смысл усилий Бахтина в этой работе. Борьба с теоретизированием, «теоретизмом» почти всегда является и борьбой с привнесением в гуманитарную сферу способа познания естественного мира, т.е. способа естественнонаучного познания, рассуждения, понимания.

Общей чертой теоретизированных гуманитарных наук является их стремление получить систему понятий, отношений, логических выводов. Но, как показал Бахтин, человека в этом

особом теоретическом мире мы не найдем. Он там не нужен. Невозможно логически осмыслить конкретных людей, их понятия, их внутренние жизни, все те внешние обстоятельства, в которых они находятся в момент осуществления поступка. Это событие «не может быть транскрибировано в теоретических терминах, чтобы не потерять самого смысла своей событийности, того именно, что ответственно знает и на что ориентируется поступок» [18, с. 105].

Что можно противопоставить подобному теоретизированию, обобщениям, основанным на них логическим выводам и умозаключениям? Есть достаточно оснований полагать, что подобному теоретизированному подходу, таким «теоретизмам» Бахтин противопоставляет идею конкретизации знаний, получаемых в ходе гуманитарного познания.

Это новое направление анализа ведет не к обобщениям, казалось бы неизбежным в естественных науках, а к конкретизации, индивидуализации бытия человека, к исследованию его индивидуализированного бытия. Проблема оказывается в том, что недостаточно понимается индивидуальность, конкретность, уникальность, особенность бытия отдельного человека, индивида. И именно поэтому долженствовало, необходимость конкретного поступка нами не понимается.

Чтобы достичь знания, выражающего индивидуальность, уникальность бытия, по мнению Бахтина, необходимо «вскрыть бытие-событие как его знает ответственный поступок, не мир, создаваемый поступком, а тот, в котором он ответственно себя сознает и свершается» [18, с. 105]. Исследователь не может «строить общих схем, понятий, положений и законов об этом мире». У него есть одна возможность – создать описание, феноменологию этого мира поступка [18, с. 105], феноменологически вскрыть структуру долженствования как некоей установки сознания того, кто совершает поступок. «Феноменологически» означает – феноменологическими методами. Далее Бахтин говорит о феноменологическом рассмотрении и описании самопереживания и переживания другого [23, с. 91]. Эти мысли он излагает вначале своего труда, но есть и прямые указания на выполнение этого замысла: «мы сделали феноменологическое описание ценностного сознания себя самого и сознания мною другого в событии бытия» [23, с. 163].

Причем, вполне естественно, что эта конкретизация осуществляется ученым в двух главных направлениях. Если исходить из таких

базовых смысловых структур, как «человек и мир» или «бытие-в-мире» [3], нетрудно догадаться, что одно направление образует конкретизация «мира» как «мира поступка», а второе направление составит конкретизация «бытия» как «со-бытия», в котором есть «Я» и «Другой», есть наше взаимодействие и есть многообразие наших взаимоотношений. Рассмотрим вначале первое направление.

Теоретический мир — это мир понятий, тезисов, мыслей, идей, выводов. Но человек не строит свою жизнь в соответствии с теоретическими положениями и транскрипциями своего поведения. Он действует по иным основаниям. Другие основания — это уже другой мир. Каков же этот мир, в котором человек совершает свои поступки? Уже в этом вопросе фактически мы слышим звучание основной феноменологической темы — «человек и мир». Этот мир не безразличен к присутствию в нем человека. Он весь — мир человека, наполненный смыслом и ценностями. Человек причастен к такому миру и неустраним из него. Ведь этот мир такой, поскольку в нем существует человек. Человек и мир неразъединимы. Присутствие человека в мире меняет, по-иному определяет всю его пространственно-временную структуру. Только в человеческом мире есть всевозможные «высоко», «над», «под», «наконец», «поздно», «еще», «уже», «нужно», «должно», «дальше», «ближе», которые в нем приобретают свою конкретно-определенную значимость. В этом мире человек занимает свое уникальное место, имеет свою пространственно-временную позицию, которую не может занять никто другой, и нахождение в которой как раз и определяет ракурс восприятия мира.

Вот почему в феноменологическом подходе Бахтина исходным является утверждение, согласно которому «мир дан мне с моего единственного места как конкретный и единственный» [18, с. 124]. Если отвлечься от этого центра, то мир как бы распадается на абстрактно-общие, только возможные моменты и отношения. «Все, взятое независимо, безотносительно к единственному ценностному центру исходящей ответственности поступка, деконкретизируется и дереализуется, теряет ценностный вес, эмоционально-волевою нудительностью, становится пустой абстрактно-общей возможностью» [18, с. 126]. Характеризуя децентрированное знание, Бахтин называет его «отвлеченно-общим», «абстрактно-общим», «только возможными моментами и отношениями», «систематическим единством абстрактно-общих возможностей».

Главная причина непонимания поступка состоит в том, что он рассматривается извне. Бахтин говорит, что изнутри поступку виден, известен не просто единый, но даже единственный, окончательный контекст, в котором он пытается ответственно осуществить единственную правду и факта, и смысла [18, с. 103], и тем самым преодолеть всякую гипотетичность. Ответственный поступок — это осуществление решения.

Таким образом, согласно Бахтину, попытки вскрыть бытие-событие как его знает ответственный поступок (т.е. не мир, который создается поступком, а мир, в котором поступок себя осознает и в котором он совершается) не должны заключаться в строительстве общих понятий, положений, законов. Долженствование поступка следует раскрыть как нечто, создаваемое человеком, который принимает решение и сам создает это долженствование для самого себя.

Из таким образом понимаемого мира человек не может устранился и потому все, что происходит в нем, оказывается связанным с человеком. У человека нет возможности уйти из этого мира и бросить его. Человек причастен миру, ответственен за него. У человека в этом мире нет алиби, утверждает Бахтин. Он не может ничем оправдать свое безразличие, свою безучастность, безответственность.

К особенностям феноменологического подхода Бахтина следует отнести и то, что исследуемый им мир является ценностным, в отличие от редуцированного мира в феноменологии Э. Гуссерля. Соответственно, мир поступка является пристрастным, а не беспристрастным как в естественных науках.

Следует отметить и ориентированность феноменологического метода Бахтина на постижение события бытия в его целом. Встреча, утрата, разлука, победа, все эти события бытия человека охватывают, вовлекают его всего. Чтобы, согласно Бахтину, в познании человека постичь целое, нельзя быть беспристрастным потому, что только «любовно заинтересованное внимание» может развить достаточно напряженную силу, чтобы это целое схватить и удержать. Человек неустраним из своего мира, а поэтому его мир всегда остается миром человеческим.

Ценностно-смысловое восприятие мира обеспечивается тем, что мышление человека по отношению к миру своего бытия всегда участно. Участное мышление — это мышление человека, живущего в реальном мире, определяющее рождение поступка, мышление заинтересованное и ответственное.

Из сказанного следует, что все содержательные моменты мысли окрашены эмоционально-волевыми тонами, что поступающее мышление как бы интонирует свое содержание, что и связывает его с единственным бытием события. Описывая мир поступка, следует помнить, что «мир-событие не есть мир бытия только, данности, ни один предмет, ни одно отношение не дано здесь как просто данное, просто сплошь наличное, но всегда дана связанная с ним заданность: должно, желательно» [18, с. 105].

Со-бытие бытия. Феноменологическим методом Бахтин исследует не только отдельные феномены сознания индивида, но и его бытие-сознание во всей конкретной целостности. «Событие бытия есть понятие феноменологическое, ибо живому сознанию бытие является как событие, и как в событии оно действенно в нем ориентируется и живет» [23, с. 163]. Стало быть, событие – это своеобразное явление бытия сознанию. Разработанное Бахтиным описание мира поступка, мира, в котором человек находится и находит себя, представляет этот мир как центрированный, воспринимаемый изнутри, ценностный, окрашенный эмоционально-волевыми тонами и т.д. Конечно, такое описание представляет значительный шаг вперед в понимании поступка как структурной единицы поведения человека. Но, тем не менее, это еще далеко не все. Новая линия конкретизации представлений о «человеке и мире» связана с феноменологическим анализом «со-бытия бытия».

На наш взгляд, основная идея, которая может обеспечить возможность конкретизации приведенных выше соображений о мире поступка, как раз и состоит в необходимости дальнейшей конкретизации этого мира поступка за счет перехода от «бытия-в-мире» к «со-бытию-в-мире». Со-бытие или со-существование человека и других людей в едином, но полицентрическом мире – это их взаимодействие, а значит, и разнообразные отношения между ними. В подобном взаимодействии человек сразу выделяет «Другого» как себе подобного, в отличие от предметного мира, мира вещей. Существенно, что определенность предметов мира, окружающего меня и других индивидов, зависит от моих отношений. «То, что мы в жизни, в познании и в поступке называем определенным предметом, обретает свою определенность, свой лик лишь в нашем отношении к нему: наше отношение определяет предмет и его структуру, но не обратно...» [23, с. 8]. В этой связи понятно, почему центральная для феноменологической

психологии тема «Я и мир» или «бытие-в-мире» в чистом, рафинированном, исключительно абстрактном виде у Бахтина существует недолго. Она почти сразу выступает как тема со-бытия, которая уточняется через раскрытие специфики взаимоотношений «Я-Другой» в этом событии бытия. Отношения «Я-Другой», их специфика – это сквозная тема работ Бахтина, начиная с его «К философии поступка» [18] и «Автор и герой в эстетической деятельности» [23].

Понятно, что со-бытие – это взаимодействие. Все сущее существует, лишь взаимодействуя. Но природа сущего определяет и присущий ему характер взаимодействия. Человек – это, конечно, говорящий человек. С этой точки зрения, все, что касается речи, приобретает особое значение в контексте понимания человека как человека. Если говорить о человеческом существовании, то это – существование «говорящего бытия». Человек живет среди других, вместе с другими. Он – существо говорящее, но и другие тоже. Жить среди других означает – жить в мире слов, произнесенных другими. В отличие от моих слов – слов, произнесенных мной, есть и чужие слова – слова, произнесенные другими. Взаимодействие чужой и собственной речи – это ключевой вопрос для исследования многих аспектов речевого общения. Важнейшей способностью человека оказывается его умение в своей собственной речи воспроизводить чужие слова, чужую речь, выраженные в них чужое понимание, чужую смысловую позицию. На этой способности «воспроизводить чужую речь в собственной» базируется и способность человека участвовать в диалоге с другим, и способность самому развернуть собственный внутренний диалог.

Исследования речи чужой и собственной, их взаимодействия и взаимовлияния привели Бахтина к открытию двухголосого слова, слова внешне или внутренне диалогизированного, что позволило проследить присутствие «другого» едва ли не в любом фрагменте собственной речи человека. Без особых натяжек можно утверждать, что «со-бытие», взаимодействие «Я» и «Другого» пронизывает глубины человеческой души, обнаруживается в самых скрытых структурах нашего сознания.

Речевое общение и его наиболее сложная, развитая форма – диалог – это не частный вопрос. Нет бытия человека без диалога. Более того, способность к диалогу оказывается одним из важнейших критериев, позволяющих провести *границу между личностью и вещью*, между

предметом гуманитарных и естественных наук. Это сделано Бахтиным в работе «К методологии гуманитарных наук» [24] и других, а различные аспекты диалога достаточно широко представлены в его работе «Проблемы творчества Достоевского», изданной в 1929 году [17].

Текст. Интерес к речевому общению и диалогу, исследование основных свойств высказывания приводят Бахтина к проблеме текста. И это не случайно. Ведь текст – важнейший компонент общения человека с человеком. Без исследования текста невозможно достичь сколько-нибудь адекватного представления о речевом общении. Впрочем, свою работу, специально посвященную проблеме текста, автор озглавливает предельно широко: «Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках» с подзаголовком «Опыт философского анализа» [25]. Задача прояснения предельных базовых понятий, к числу которых в гуманитарных науках относится и текст, остается крайне актуальной.

Свое понимание важности проблемы текста для гуманитарных наук Бахтин выражает в простой формуле: «Где нет текста, там нет и объекта для исследования и мышления» [25, с. 281]. В то же время, как только начинается анализ особенностей, свойств текста, Бахтин практически без промедления уподобляет текст высказыванию и закрепляет это отождествление совпадением свойств текста и высказывания, точнее, приписыванием свойств высказывания тексту как высказыванию. Как и высказывание, текст имеет границы. Всякий текст имеет и автора. Есть у текста и второй субъект – тот, кто его читает, и кто обрамляет его своими комментариями, оценками, возражениями. Подобно высказыванию, текст включается в «текстовую цепь», в речевое общение данной сферы. Между текстами возможны диалогические отношения.

Как и высказывание, текст имеет два полюса: один обращен к естественному языку, системе знаков, использованных при создании текста. На другом полюсе – текст как нечто уникальное, единственное, неповторимое, определяемое его уникальным замыслом и смыслом. Система общественно выработанных известных знаков, выражающая уникальный неповторимый смысл, – это и есть текст как высказывание и высказывание как текст. Но мы помним, что у высказывания есть автор, чей замысел и смысл воплощены в тексте, который в свою очередь имеет определенного адресата. Поэтому Бахтин подчеркивает, что событие жизни текста

всегда «развивается на рубеже двух сознаний двух субъектов» [25, с. 285]. При чтении текста встречаются два субъекта, два понимания, два текста – читаемый и комментирующий. В любом случае ясно, что текст – это не вещь, а высказывание, голос, смысл и он всегда обращен к другому сознанию, другому субъекту. Обращаясь к исследованию человека, гуманитарные науки наталкиваются на текст, в котором человек себя выражает. По мнению Бахтина, исследование человека вне выражающих его текстов означает переход в сферу не гуманитарных, а естественных наук о человеке (например, в сферу физиологии и т.п.).

Обойти текст как предмет исследования в гуманитарных науках невозможно. Как высказывание текст хранит в себе следы взаимодействия с чужими словами, содержит двухголосье слова и т.п. Если есть текст, то есть *говорящий* и есть «Другой». Проблема «Другого» становится важнейшей проблемой при анализе текста в гуманитарных науках. Судя по всему, Бахтин был увлечен возможностями и смысловыми перспективами, открывающимися при последовательной интерпретации текста как высказывания в контексте общения человека с человеком. Поэтому значительная часть работы, посвященной тексту, по сути, является продолжением анализа высказывания, выявляя в нем новые аспекты.

Для понимания методологической позиции Бахтина, раскрывающей специфику гуманитарного познания, большое значение имеет его последняя работа, написанную в 1974 году работу «К методологии гуманитарных наук», которую он еще успел отредактировать, но увидеть опубликованной не смог [22]. Данная работа создана на основе небольшого текста, подготовленного Бахтиным в конце 30-х – начале 40-х годов: «К философским основам гуманитарных наук» [11]. И первое, и второе название работы хорошо раскрывают ее суть в том отношении, что она представляет собой заметки, замечания к вопросу о методологии гуманитарного познания и не претендует на полноту и завершенность в раскрытии обозначенной темы. Вместе с тем работа затрагивает едва ли не самый важный аспект научного познания, касающийся единства науки, с одной стороны, а с другой – уникальности такого предмета исследования, каким является человек, личность.

Представляет интерес проследить направление трансформации исходного текста в окончательный. В исходном тексте с названием

«К философским основам гуманитарных наук» выделяются такие темы, как «определение предмета гуманитарных наук», «познание вещи и познание личности», а также «необходимость диалогического познания личности». Окончательная версия этого текста несколько расширена по сравнению с исходной. В новом варианте представлены темы: «понимание человека»; «понимание символов»; «автор текста»; «познание в точных и гуманитарных науках»; «диалогический характер познания человека»; «текст».

Таким образом, при чисто формальной оценке можно отметить, что исходная версия расширена за счет обращения к проблеме понимания символа, текста и человека в целом, к проблеме понимания специфики предмета и метода гуманитарного познания в отличие от естественнонаучного познания. Вторая версия полнее, но ее сопоставление с первой убеждают, что между ними нет никаких принципиальных различий, хотя эти версии разделяют примерно 30 лет. Более того, и в первой, и во второй версиях обнаруживаются упоминания о тех вопросах и проблемах, которые были уже сформулированы в предшествующих рассмотренных нами работах («К философии поступка», «Автор и герой в эстетической деятельности», «Проблемы поэтики Достоевского»): отношение «Я-Другой», дистанция между ними, избыток знаний у одного о другом, специфика восприятия внешности извне и изнутри и так далее.

Что же касается содержания самой последней работы Бахтина, то можно отметить следующее. В ней анализируется проблема понимания, при этом различаются общепринятые значения знаков и тот уникальный смысл, который они получают в целом высказывания. Бахтин дает пример конкретизации понимания через перечень образующих его отдельных актов, анализирует момент перехода образа в символ и обретения образом смысловой глубины и смысловой перспективы. Он подчеркивает неизбежность перехода от одного смысла символа к другим при попытке его раскрыть и прокомментировать. Смысл невозможно растворить в понятиях. За счет комментирования может быть достигнута определенная рационализация смысла, но интерпретация смысловых структур неизбежно уходит в бесконечность символических смыслов [4, с. 362]. И поэтому, делает вывод Бахтин, такое истолкование не может быть научным в смысле научности точных наук. Он соглашается признать утверждение С.С. Аверинцева о симвонологии как *инонаучной*

(а не ненаучной) форме знаний, имеющей свои внутренние критерии точности, научности.

Личность. Текст, контекст, символ, понимание – все это, бесспорно, существенные моменты, определяющие специфику познания в сфере гуманитарных наук. И все же для определения специфики гуманитарного познания в отличие от естественнонаучного наиболее значительный интерес вызывают представления Бахтина о личности и о диалоге как методе ее исследования. Бахтин, конечно, не занимался конкретными психологическими исследованиями. Его интересовала принципиальная возможность познания личности, адекватного ее природе. (Следует учесть, что различные аспекты представлений Бахтина о личности и диалоге не собраны им в один текст, а разбросаны едва ли не по всем работам). С учетом этого обстоятельства мы намерены в первую очередь рассмотреть специфические черты личности, которые, по мнению Бахтина, наиболее существенно отличают ее от вещи. А затем появится возможность выделить особенности диалога как метода познания личности, наиболее соответствующего ее особенностям.

Исходный пункт рассуждений Бахтина – принципиальное отличие личности от вещи. Это отличие заключается в том, что вещь обладает лишь внешностью. У вещи нет никакого неотчуждаемого, недоступного другому, непроницаемого для другого нутра. Вещь в принципе прозрачна, проницаема и может быть познана другим в односторонне активном познавательном акте. Иными словами, познание вещи не зависит от ее собственной активности и не предполагает таковой. Личность, напротив, всегда обладает некоторым внутренним миром, «неотчуждаемым нутром» (как говорит Бахтин). Это нутро, («тайна» личности) непроницаемо для другого. Оно недоступно односторонней познавательной активности «Другого». Адекватное познание личности предполагает не только активность познающего, но и самосознание, и собственную встречную активность личности, и ее самооткровенность. Бахтин отмечает сложность двустороннего акта познания личности, поскольку он предполагает сочетание активности познающего и активного самооткровения познаваемого в том особом диалоге, который между ними происходит. А самооткровение может быть лишь свободным, а не вынужденным, навязанным. Поэтому познание личности оказывается связанным с такими понятиями, как диалог, вопрошание.

Бахтин использует лаконичную, но богатую содержанием формулу, определяя предмет гуманитарных наук как выразительное и говорящее бытие. Речь идет о говорящем бытии как субъекте диалога, об участнике события речевого общения. Об этом же говорит и оппозиция «личность-вещь», т.е. оппозиция говорящей личности и немой вещи. Голос, говорящее бытие – это и сознание, и самосознание, и своя точка зрения, своя позиция в диалоге. Понятно, что диалог с вещью невозможен.

Сопоставляя точные, естественные науки и гуманитарные, Бахтин продолжает наполнять содержанием оппозицию *личность-вещь*. Согласно Бахтину, в точных науках интеллект созерцает вещь, высказывается о ней. Такое познание монологично, поскольку есть лишь один субъект – познающий и говорящий, которому противостоит безгласная вещь. Особенно важно, что «любой объект знания (в т.ч. человек) может быть воспринят и познан как вещь» [22, с. 363]. В то же время, и это принципиально важно, нельзя превращать субъекта (личность) в объект, ибо субъект не может оставаться субъектом и быть безгласным. Из этого, как уже отмечалось, следует диалогизм познания «говорящего бытия», необходимость у познающего активности особого рода – диалогической, так же как и диалогической активности познаваемого. Диалогическое познание «Другого» обретает характер события, встречи. Диалогическое познание включает обязательно ценностный аспект, оценку.

Вместе с тем Бахтин обращает внимание на возможность разных степеней активности познаваемого субъекта. При сниженной диалогической активности познаваемый субъект как бы сближается с вещью. А это означает, что вещь и личность – это своего рода *пределы* (полюсы) познания. Реальное познание, по-видимому, находится между этими полюсами, приближаясь либо к одному, либо к другому.

Важно подчеркнуть, что «говорящее бытие» в процессе своей жизни способно участвовать в диалогах, которые могут происходить, по крайней мере, на двух уровнях. Имеются в виду два разных диалога: обыденный, повседневный, бытовой, локальный диалог и диалог о мире, о бытии в мире. Во втором случае диалог далеко выходит за пределы непосредственного окружения, а тех, чье мышление, чьи интересы выходят за пределы непосредственного окружения, Бахтин называет идеологами. В его понимании это человек, охваченный, одержимый идеей, его

интересует судьба идеи. Но идея как бы персонафицируется таким образом, что судьба человека и идеи сливаются.

Можно сказать, что в определенных жизненных обстоятельствах если не все, то многие чувствуют необходимость выйти за пределы непосредственного окружения, подняться над ним, чтобы найти ответы на самые фундаментальные вопросы, включиться в диалог по так называемым «последним» вопросам (в чем смысл бытия? кто Я? и т.п.). Идеи, которые мучают человека, это не пустые абстракции, а нечто в силу своей фундаментальности очень важное, от чего зависит его судьба.

Говоря о личности, Бахтин иногда использует выражение «ядро личности». Это ее сердцевина, которая включает все, что в личности или для личности является наиболее важным. Пока личность жива, пока взаимодействует с другими, ведет диалоги, оказывается в различных ситуациях, она меняется. Иными словами, для личности характерна незавершенность, нерешенность. Познать личность – это, по крайней мере, проникнуть в ее ядро, понять те процессы, где личность делает выбор, принимает решение по наиболее важным вопросам, находясь в кризисе, в критической ситуации, на пороге. Незавершенность личности в чем-то самом важном для нее, самом существенном – ее обязательная черта.

Человек, т.е. говорящее бытие, неисчерпаем в своем значении и смысле, не совпадает с самим собой, выходит за свои пределы. Поэтому личность избегает, не любит завершающие, опредмечивающие ее определения, характеристики. В познании, адекватном природе личности, речь идет о понимании глубины тех диалогов, в которые включена личность, в которых она занимает свою определенную позицию, а ее самораскрытие остается свободным, а не вынужденным, навязанным именно потому, что это самораскрытие.

Без самосознания и способности личности к самопознанию и самораскрытию для другого ее сколько-нибудь глубокое познание невозможно. Более того, личность не любит «заочное» познание, т.е. те ситуации, когда кто-либо говорит о личности, а не с ней самой. Говорить о личности – это и есть превращать ее в объект. Человеку не нравится, когда его вычисляют. Возможно, в этом случае он ощущает угрозу собственной независимости. Говорить с личностью, значит, поддерживать ее и как субъекта диалога, и как субъекта познавательного процесса. Следовательно, личность способна к от-

кровенности, самораскрытию, но при определенных условиях. Для нее неприемлемы ни подглядывание, ни подслушивание. Для личности ее заочное определение, завершение может быть оскорбительным, обидным, унижительным.

Диалог. Перечень особенностей личности, решительным образом влияющих на процесс ее познания, не является исчерпывающим. Он включает лишь ее наиболее существенные особенности («неотчуждаемое нутро», «самосознание», «голос» и др.). Но и выделенного достаточно, чтобы сделать важный вывод: познание личности не может осуществляться тем же методом, что и познание вещи. Специфика личности как голоса, говорящего бытия, сознания, самосознания, «неотчуждаемого нутра» естественным образом должна трансформироваться в соответствующие особенности метода ее исследования. Иными словами, если исследуется не вещь, а личность, должен осуществиться переход от монологического одностороннего познания к познанию в форме двухсторонне активного, согласованного диалога.

Конечно же, у подобного диалога как метода познания личности есть и другие не менее важные особенности. Например, его сходство с сократическим диалогом [17] в том, что касается коллективного искания истины, диалоговой формы со-творчества. В сократическом диалоге истину не знают оба собеседника. Разрабатывая свою концепцию диалога, Бахтин не собирается сделать из него способ манипулирования, способ выпытывания истины. Его диалог не вынуждающий, не принуждающий, а помогающий. Особенности стиля поведения Сократа в том, что он не подсказывает, не доказывает, а выжидает, слушает, спрашивает, уточняет, проясняет, сопоставляет (сводит) различные точки зрения, провоцирует собеседника на откровенность, помогает рождению истины и т.д. Речь идет об активном, но не манипулятивном стиле взаимодействия, поскольку манипулирование личностью в процессе познания деформирует и даже разрушает ее, как самостоятельное, автономное существо.

Диалог, соответствующий природе познаваемой личности является очным, осуществляемым «лицом к лицу». В нем реально существуют равные права участников, их участие в диалоге добровольно, они готовы к самораскрытию и самооткровению. У участников диалога доминирует диалогическая установка, которая не допускает объектного отношения к партнеру по диалогу. Диалогическое познание «Другого» обретает характер события,

встречи, обязательно включает ценностный аспект, оценку.

Описываемый диалог является для личности значимым в силу его причастности к кризисам личности, переломным ситуациям в ее жизни, к пороговым ситуациям, ситуациям выбора, принятия жизненно важных решений. Отметим так же мировоззренческий характер данного диалога как диалога по «последним» вопросам, вопросам фундаментальным, от которых зависит судьба личности.

Стало быть, методом исследования личности, адекватным ее природе, является диалог, существенные особенности которого мы только что описали. Подобный диалог следует, на наш взгляд, назвать феноменологическим. Имеется в виду, что феноменологический метод, становясь методом исследования личности как говорящего бытия, обретает форму феноменологического диалога. Поясним сказанное.

Рассматриваемый диалог следует назвать феноменологическим, поскольку, если соотнести его с двумя противостоящими в современной психологии тенденциями, то станет очевидной принадлежность подобного диалога именно к феноменологической тенденции.

Определение феномена как того, что является собой таким, каким оно само по себе на самом деле есть, сразу исключает экспериментальный, манипулятивный подход к его исследованию. Самопоказывание феномена возможно лишь при условии отсутствия внешних воздействий. Основным методом исследования феномена становится наблюдение. Что же касается рассматриваемого диалога, отсутствие внешних влияний на партнера является его сущностной чертой, равно как и создание атмосферы доверия, искренности, откровенности, необходимых для становления самим собой.

Если в соответствии с требованиями феноменологического подхода иметь в виду исследование личности как единого целого, то наиболее подходящим из имеющегося арсенала познавательных средств придется признать рассматриваемый диалог, поскольку в каждом высказывании, в каждом эпизоде диалога личность обязательно участвует как единое целое.

«К вещам самим» — широко известный девиз Э. Гуссерля, поддерживаемый и другими феноменологами. Девиз фиксирует стремление исследователя проникнуть сквозь слова к самой вещи, к тому, что исследуется. Этот девиз реализуется в критичности исследователя, направленной против всевозможных привнесений извне в изучаемый предмет, мешающих воспринимать

вещь, как она сама по себе есть. Существенно, однако, что у участников диалога еще больше оснований стремиться проникнуть за слова к скрываемым ими смысловым структурам. Личность, рассматриваемая как «говорящее бытие», это не слова, не текст, а смыслопорождающий процесс, процесс постоянного осмысления и переосмысления окружающего мира. Диалог должен проявить базовую смысловую структуру личности, ее позицию среди других позиций в диалоге, ее диалогически оформленную нерешенность, незавершенность, ее поиск себя и своего пути.

В пользу феноменологического характера анализируемого диалога свидетельствует и его направленность на обретение первичного опыта, прояснение смысловых структур, а так же значение, придаваемое участниками диалога интуиции, описанию, интерпретации, пониманию. Отметим лишь, что для Бахтина думать о другом сознании – это разговаривать с ним. Участие в диалоге придает размышлению о другом диалоговую форму.

Бахтин не стремился описать все многообразие диалогов. Его интересовал прежде всего диалог как метод познания личности, адекватный ее природе. Он не создал теорию диалога, но дал его феноменологическое описание. С помощью чего стало возможным различать чужую речь и собственную, следы влияния чужой речи на собственную, слияние и разъединение голосов, смысловых позиций и т.д.

Таким образом, описанный Бахтиным диалог вполне может рассматриваться как метод феноменологического исследования личности. Так же как феноменологическая тенденция в психологии противостоит естественнонаучно ориентированной тенденции, а личность обязательно образует оппозицию с вещью, так и феноменологический диалог противостоит различным манипулятивным подходам, техникам по всем рассмотренным пунктам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Развитие феноменологического метода и Dasein-анализ // Dasein-анализ в философии и психологии / К-в авт.; Под ред. Г.М. Кучинского, А.А. Михайлова. Минск: Европейский гуманитарный университет, 2001. С. 94–169.
2. Кучинский, Г.М. Феноменологическая тенденция в психологии / Г.М. Кучинский // Психологический журнал. 2005. №1. С. 4–12.
3. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. М.: Ad Mardinem, 1997.
4. Plock, S. The Existential–Phenomenological movement, 1834–1995 // Developments in Psychotherapy. Historical Perspectives / S. Plock. London: SAGE Publications, 1996. P. 29–61.
5. Бинсвангер, Л. Бытие-в-мире / Л. Бинсвангер. М.: Ювента, 1999.
6. Гуссерль, Э. Амстердамские доклады. Феноменологическая психология. Ч. 1. Чисто феноменологическая психология. Область ее опыта, ее метод, ее функция / Э. Гуссерль // Логос. 1992. №3. С. 62–81.
7. Гуссерль, Э. Амстердамские доклады. Феноменологическая психология. Ч. 2: Феноменологическая психология и трансцендентальная проблема / Э. Гуссерль // Логос 1994. №5. С. 7–48.
8. Эллиенбергер, Г. Клиническое введение в психиатрическую феноменологию и экзистенциальный анализ // Экзистенциальная психология. Экзистенция / Г. Эллиенбергер. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. С. 201–236.
9. Ясперс, К. Феноменологическое направление исследования в психопатологии / К. Ясперс // Логос. 1994. №5. С. 25–41.
10. Сартр, Ж.-П. Воображаемое. Феноменологическая психология воображения / Ж.-П. Сартр. СПб.: Наука, 2001.
11. Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти. СПб.: Наука, 1999.
12. Boss, M. Psychoanalyse und Daseinsanalytik / M. Boss. Bern: Huber, 1957.
13. Лэйнг, Р. Разделенное Я / Р. Лэйнг // Логос. 1992. №3. С. 165–174.
14. Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. М.: Прогресс, 1990.
15. Выготский, Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч. в 6 т. Т. 1: Вопросы теории и истории психологии / Л.С. Выготский. М.: Педагогика, 1982. С. 291–436.
16. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. М.: Искусство, 1979.
17. Бахтин, М.М. Проблемы поэтики Достоевского. Изд. 4-е / М.М. Бахтин. М.: Сов. Россия, 1979.
18. Бахтин, М.М. К философии поступка // Философия и социология научного знания / М.М. Бахтин. М.: Наука, 1986. С. 80–160.
19. Бахтин, М.М. К философским основам гуманитарных наук // Собр. соч. в 7 т. Т. 5: Работы 1940-х – начала 1960-х годов / М.М. Бахтин. М.: Русские словари, 1996.
20. Бахтин, М.М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин / М.: Искусство, 1979. С. 237–280.
21. Бахтин, М.М. К переработке книги о Достоевском // Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. М.: Искусство, 1979. С. 308–327.
22. Щитцова, Т.В. Событие в философии Бахтина / Т.В. Щитцова. М.: И.П. Логвинов, 2002.
23. Бахтин, М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. М.: Искусство, 1979. С. 7–180.
24. Бахтин, М.М. К методологии гуманитарных наук // Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. М.: Искусство, 1979. С. 361–373.
25. Бахтин, М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. М.: Искусство, 1979. С. 281–307.